

Цинь Мин вспомнил о том беспорядке, который царил в их большой семье, и, стиснув зубы, произнёс:

— Если они будут плохо ко мне относиться или не проявят уважения, я их не пощажу.

Его прежнее «я» кивнуло, словно соглашаясь с его решением.

— Второе. Я надеюсь, ты не станешь мстить Бай Юйлянь, — добавило оно.

— Ты всё ещё любишь её, а она всего лишь лицемерная женщина, — не сдержался Цинь Мин, выпалив это.

Сказав, он почувствовал, что, пожалуй, слишком сильно сыпал соль на рану, и просто замолчал.

— Я знаю, что мисс Бай меня не любит, но ведь я любил её столько лет, — произнесло прежнее «я», и печаль в его глазах стала ещё заметнее.

— Если она не будет меня доставать, я и к ней лезть не стану, — ответил Цинь Мин. Раз уж сам обиженный так сказал, то хотя Бай Юйлянь была противна, как блоха, он потерпит и не прихлопнёт её.

— Спасибо. Я знаю, что ты очень хороший человек, — улыбнулось прежнее «я», кивнув Цинь Мину. Лицо его озарилось яркой улыбкой, а затем образ стал всё более бледным, пока совсем не исчез.

Цинь Мин резко проснулся, перевернувшись на кровати. За окном всё ещё моросил мелкий дождь, навевая такую тоску и печаль. Цинь Мин просидел в темноте четверть часа, а потом вздохнул.

— Этот человек, ну и глуп же, — негромкий голос прозвучал в ночной тиши. В голосе слышалось лёгкое сожаление, но и облегчение. Никто не знал, что в эту ночь между двумя людьми заключили сделку: одна душа исчезла, а другая, пришедшая из апокалипсиса, с этого момента начала жить в этом теле.

Цинь Мин знал, что только что приснившееся — правда, потому что сейчас он чувствовал облегчение и легкость в душе. Больше не было привычной тяжести, лишь легкость и радость.

Цинь Мин посидел ещё немного, потом снова лёг. Дождь за окном звучал как печальная песня. Медленно закрыв глаза, Цинь Мин погрузился в сон.

На следующий день, когда Цинь Мин проснулся, он обнаружил, что его сердце очень спокойно. Это было спокойствие, принадлежащее ему, Цинь Миню, спокойствие очень радостное и счастливое. Его сердце было полно радости: радости истинного перерождения и радости от соприкосновения со всем сущим.

Он потянулся, как следует. Увидев, что в комнате грязь и беспорядок, он нахмурился. В последние дни он только адаптировался, но сегодня решил как следует прибраться в доме. Иначе жить в свинарнике было для него невыносимо. Он был мужчиной, любящим чистоту, и не выносил грязи. Конечно, сейчас плохую обстановку изменить было нельзя, приходилось пока терпеть.

Увидев на столе круглое зеркало с цветочным узором, он нахмурился. Это зеркало стояло

почти один лян серебра. Его купили для Бай Юйлянь. Когда прежнее «я» было живо, оно говорило: ей очень нравится такое зеркало, и когда они поженятся, она сможет каждый день причёсываться перед ним, а прежнее «я» будет расчёсывать ей её длинные волосы. Но через несколько дней пришла весть, что Бай Юйлянь хочет расторгнуть помолвку и выйти замуж за Линь Чжэнкуня, так что зеркало не успели подарить.

Подумав об этом, Цинь Мин нахмурился, подошёл к столу и взял зеркало в руки. В это время один лян серебра — сумма немалая. Прежнее «я» начало зарабатывать с десяти с лишним лет, часть денег отдавало на семью, часть оставляло при себе, так что накопило немного серебра. В это время жареная курица стоила всего 20 вэней. А один лян серебра можно было разменять на 1 000 медных монет. То есть можно было купить 50 жареных кур. Если есть по одной курице в день, их хватило бы на 50 дней. Жареная курица была очень вкусной едой, и, подумав об этом, Цинь Мин проникся симпатией к зеркалу: ведь это были деньги, это были жареные курицы, пахнувшие так вкусно и такие нежные.

К счастью, это дорогое зеркало ещё не подарили Бай Юйлянь, иначе Цинь Мин не знал бы, как забрать деньги у этой женщины. Глядя на эту женщину, было件нятно, что она не тот человек, который легко уступит и вернёт деньги.

Зеркало было красивым, древнего стиля, со сложными узорами, на нём вырезано несколько лотосов. Лотосы были распустившиеся, полураспустившиеся и в бутонах, выглядело особенно красиво.

— Жаль, что я совсем нищ, а то мог бы оставить зеркало себе и подарить будущей жене. Но, по сравнению с тем, чтобы угодить будущей жене, собственный живот важнее, а жареная курица притягательнее, — подумал Цинь Мин, отбросив идею оставить зеркало для будущей жены. Если будущая жена узнает, что это зеркало изначально предназначалось для Бай Юйлянь, возможно, это вызовет ссору.

Перевернув зеркало лицевой стороной, он увидел, что это зеркало за один лян серебра даёт очень чёткое отражение, по крайней мере в несколько раз четче обычного. Цинь Мин лениво стоял, глядя на себя в зеркале. У него было довольно красивое лицо, кожа немного смуглая, выглядело так, будто он легкомысленный человек. Особенно когда Цинь Мин слегка прищурился, в нём было что-то демоническое. Но глаза его были честными и ясными, нос высоким — сразу видно, человек с сильной волей. Волосы у него были длинные, примерно до плеч. Очень чёрные, но немного сухие и жёсткие. Если постричь их коротко, наверное, это была бы щётка, волосы торчали бы.

Когда Цинь Мин улыбался, человек в зеркале тоже улыбался. Он дернул уголок рта, и тот внутри тоже дернул. Эта внешность была похожа на внешность Цинь Мина из прошлой жизни на 30 процентов. В прошлой жизни у него были тонкие губы, брови саблей, когда он улыбался, это вызывало чувство холодности. В этой жизни внешность была честнее и проще, выглядела немного простовато и честно. Но когда острый взгляд Цинь Мина скользил, эта честная внешность придавала ощущение злости и резкости.

Цинь Мин положил зеркало в карман одежды, он не очень заботился о своей внешности. Если только не был уродом, о котором стыдно сказать, а тут вдруг помолодел на десять с лишним лет, то ему было нечем не радоваться.

Только Цинь Мин положил зеркало в одежду, как за дверью дома прошёл человек. Этот человек был одет в зелёную короткую рубашу, на ногах — серые штаны, на рубаше и штанах были заплатки. По сравнению с одеждой Цинь Мина, заплаток правда было меньше. Идущий

была именно Цинь Янь.

— Цинь Мин, слышала, ты купил зеркало больше чем за один лян, чтобы подарить Бай Юйлянью. Где зеркало? — Цинь Янь, виляя бёдрами, вошла, даже не назвав его братом, и закономерно протянула маленькую ладошку.

— Зачем? — довольно холодно спросил Цинь Мин. Он эту сестру особо не любил, хотя Цинь Янь в семье Цинь имела статус маленькой принцессы. В глазах Старика Цинь и тётушки Сунь, у которых было три сына, самая маленькая дочь была очень дорога. Прежний Цинь Мин тоже заботился об этой сестре. Но эта сестра всегда за спиной говорила о Цинь Мине дурное.

— Дай мне твоё зеркало, — закономерно сказала Цинь Янь. В её глазах этот брат был бесплатной рабочей лошадкой, которая только делает дела, а характер мягкий, позволяющий всем давить на себя. Конечно, она подсознательно забыла случай, когда в прошлый раз просила у Цинь Мина пампушку и получила отказ.

— Почему я должен тебе давать? Такое дорогое зеркало, а деньги на зеркало я сам заработал, — скрестив руки на груди, сказал Цинь Мин. Он обнаружил, что эта Цинь Янь — та, кто смотрит на человека, чтобы определить, как с ним быть. По отношению к Цинь Миню у неё был наглый и беспричинный тон, а по отношению к такому, как Цинь Хао, — вид смиренный и низкий.

<http://bllate.org/book/16865/1553868>